

Мауленов А.А.

ЗАМАНБАП КАЗАК ПРОЗАСЫНДАГЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТИК ЫКМАЛАР

Мауленов А.А.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ
КАЗАХСКОЙ ПРОЗЕ

А.А. Maulenov

EKZISTENTSIALISTIK TECHNIQUES IN MODERN KAZAKH PROSE

УДК: 434.2 (575.2) (043.3)

Дан анализ произведений современных казахских писателей, обратившихся к реконструкции сюжета традиционных мифов и создающих собственные мифологемы для реализации проблемы отчуждения человеческого бытия от общества, проблем мирового одиночества, глубинных процессов человеческого сознания и познания тайн человеческой психологии.

Раскрывает сущность в казахской прозе аллегорическую концепцию мифа и неомифотворчество современных писателей.

Ключевые слова: мифическое сознание, интернет, постмодернизм, евроцентризм, методологическая база, экзистенциалисты, культура, искусство, эгоцентризм, постструктурализм.

The analysis of the works of contemporary Kazakh writers, refers to the reconstruction of the scene of traditional myths and creating their own myths to the implementation of the problem of alienation of human existence from the society, the problems of the world alone, the underlying processes of the human mind and the knowledge of the mysteries of human psychology. It reveals the essence in the Kazakh prose allegorical concept of myth and neomifotvorchestvo contemporary writers.

Key words: mythical consciousness, internet, post-modernism, Eurocentrism, methodological framework, existentialists, culture, art, self-centered, post-structuralism.

В современной казахской литературе получают широкое применение такие разнонаправленные мифопоэтические художественные приемы (расценивающиеся как постмодернистские признаки), как нахождение общих черт между человеком и животным, раздвоение личности человека, предпринимаемые действия персонажей диктуются вещами снами или получаемыми знаменами. Такие приемы больше присущи прозаическим произведениям, фольклору, образцам авторского устного народного творчества, а также письменной литературе последних лет. Человек, оказавшись в опасной для жизни и здоровья ситуации, так же как дикий зверь издает крики. Этот пример наглядно демонстрирует связь современного человека с мифическим сознанием древнего человека.

Такое психологическое состояние человека писатель в своих произведениях использует, чтобы выпятить внутренние переживания героя, оттенить глубокие противоречия между человеком и обществом. Современная эпоха, которую мы переживаем, вся наша жизнь пронизана насквозь глобальными

связями (например, Интернет), взаимопроникновение культур способствовало информатизации без границ. Таким образом, постмодернизм – это и есть культура этого мира информатизации. Постмодернизм по праву проник в современную жизнь, культуру, искусство, литературу. Роль его в качестве нового направления в современной прозаической литературе все более возрастает.

Данное направление не признает систему, которая подчиняется какому-то определенному центру и считает нечто абсолютной истиной. Следовательно, постмодернизм противопоставляет себя евроцентризму, до сих пор считавшему себя главенствующим в академической науке. Постмодернизм как направление противостоит эгоцентризму фундаментальных концепций, отрицающих все другие ценности, критически воспринимает как современный мир в целом, так и отдельную национальную сущность, стремится понять, раскрыть и интерпретировать периферийные и маргинальные проблемы культуры. Поэтому постмодернизм требует соответствующей оценки как новая методологическая база для решения сложных и неоднозначных проблем на новом качественном уровне [1; с. 6]. Основоположниками и основными представителями постмодернизма в мировой философии считаются Жан Бодриар, Жан-Франсуа Лиотар, Жиль Делез, Феликс Гваттари, Какудзо Оконури, Мартин Хайдеггер, Жак Деррида и др.

В современной казахской прозе постмодернизм должен рассматриваться как литературный прием, позволяющий вскрыть те катастрофические проблемы, которые возникают вследствие отрыва человека и человечества от вечных духовных ценностей.

Экзистенциалисты вводят понимание того, что для осознания Человеком своего Я, для способности мыслить, прежде всего, надо быть, существовать. В философии экзистенциализма размышляют о значении жизни и сущности смерти, о непреодолимой разнице между мыслью и бытием, о бренности и физической ничтожности человека, о том, что человек рожден для смерти... Постмодернизм же отличается от экзистенциализма тем, что пытается противостоять и противодействовать человеческому Я, его гордыне и высокомерию, эгоизму и чванству, в целом – идее неистребимого эгоцентризма. Также он отличается от других направлений, школ и течений отрицанием стереотипов и «незыблемых» догм, закостенелых установок и принципов. Вместе с тем

нельзя сводить на нет и его функцию, направленную на определение и уточнение истинной сущности и истории, и нового времени. Потому что ничего не возникает на пустом месте, любой творческий процесс так или иначе имеет под собой почву, базу, на которой основывается, а суть произведения раскрывается лишь через выявление его корней. По мнению Жака Деррида, текст стоит выше автора, в значении и смысле текста мы вольны находить те идеи, которые автор и не подразумевал. Значит, не текст принадлежит автору, а автор – своему тексту.

Данная мысль, затрагиваемая в постструктурализме, заставляет задумываться о значимой связи между автором и текстом. Из этого следует, что литература – не душа человека, а Сила, толкающая порождать искусство. Данное миропонимание и взгляд на литературу имеют место быть в современном познании. Рассмотрение состояния искусства художественного слова, уровня познания в рамках литературного понимания явлений, не относящихся к интерпретации текста, открыли пути для более широкого применения метода постмодернизма в искусстве слова. Принцип постмодернизма отвергает доминанту какой-то определенной парадигмы и внедряет систему децентрализации в искусстве.

В литературных произведениях периода независимости, в частности, прозаических, писатели наряду с традиционными принципами литературы стали вводить мифологические формы и мотивы для разгадки тайн бытия и жизни, тем самым более глубоко развивая неомифологизм как течение, направленное на новое восприятие и переосмысление духовных ценностей. Теперь вместо традиционно используемых мифов, легенд, тэмсил и других фольклорных элементов стали выстраиваться авторские мифы, рождаются мифологемы, символические инфраструктуры, мифологические цепи, расширяя границы и рамки жанра. Авторы при описании духовной жизни героев стали прибегать к импрессионистским приемам, максимально обращая внимание на философские размышления о своем персонаже.

В конце XX столетия писателями особое внимание уделялось на одной из сложных и противоречивых концепций экзистенциализма – проблемам отчуждения человека от социума и «мирового одиночества», особенно психологической трактовке данного вопроса.

В последних прозаических произведениях казахской литературы нашли отражение проблемы отчуждения человека от своей среды, от самого себя. Каждый автор в своем творчестве по-своему и своеобразно понимает и интерпретирует истину бытия. Свойственность постмодернизма казахской литературе мы наблюдаем из романа М. Магауина «Жармак», опубликованного в 2007 году в Праге.

В романе поднимаются актуальные и злободневные проблемы казахского народа на рубеже веков. Автор рассуждает на одну из самых сложных тем этого периода – тему отчуждения от своего

народа, своей нации, тему, приобретшую массовый и катастрофический для народа характер, а также проблемы давления материальных ценностей над духовными, проблемы денег как мерила всего в жизни и мечты автора о светлом будущем независимого народа.

В результате, все рассуждения автора на поднимаемые проблемы, рассуждения об изменчивом и непостоянном мире, рассуждения о том, что отрицательно повлияло на национальную психологию – все это расширило жанровые границы романа. В обосновании авторской позиции в качестве художественных средств писателем использовались условные, но необходимые литературные приемы, которые и придают роману не вызывающую сомнения современную реалистичность. Роман «Жармак» затрагивает горькие проблемы возрождения национального языка и менталитета, расширяя горизонты казахской прозы.

Причины определенного поведения человека, раздвоения «потока сознания», безвыходности и безысходности пути «двуличного» героя передаются через глубокое погружение в мир героя. Автор решает эти проблемы на высоком морально-философском уровне. Четкая авторская позиция ярко проявляется также в изображении современного пространства и времени через мифологическое сознание, архетипическую память, через сны, миражи, знамения, которые видятся герою, т.е. через фольклорные элементы в новой художественной форме.

Данные художественные приемы – процесс, который давно наблюдается в казахской литературе. Их источниками являются такие виды мифологического мировоззрения, как тотемизм, магия, анимизм и др. Вот что говорит ученый-исследователь С. Каскабасов о сложном и противоречивом психологическом устройстве романа «Жармак»: «Раздвоение личности человека – очень сложное явление. В художественном искусстве, литературе для изображения жизненных коллизий, для уличения социальных, политических, духовных конфликтов и противоречий, о которых не всегда можно говорить прямо и открыто, необходим аллегорический прием раздвоения личности персонажа» [2; с. 3]. Именно такой прием явственно представлен в романе М. Магауина «Жармак». Основной конфликт в романе выстраивается между Казыбековым Муратом Бейсенулы и его тенью-двойником Казыбековым Маратом Бейсенулы.

На сегодняшний день рисующий злободневную картину современности роман «Жармак» изображает сущность казахской духовности через амбивалентность образов Мурата и Марата, демонстрируя новейшие подходы для вскрытия проблем от простого к сложному, при этом не нарушая правду жизни правдивость событий.

Мурат Бейсенулы Казыбеков, проживающий в обычной научной среде, – на современник, имеющий свою собственную научную позицию и определен-

ные принципы. Вместе с тем, он переживает множество глубоких, неоднозначных душевных раздумий и размышлений, которые читателю более явственно и полно наблюдаются через конфликт с его двойником Маратом. Временной промежуток, охваченный романом, – это последняя четверть XX и начало XXI веков, события и ситуации, ограниченные именно этим периодом.

Описываемые в романе события и персонажи, систему их взаимоотношений нельзя расценивать как правду жизни, но и ложными и неправдоподобными их тоже невозможно назвать. Потому что два действующих лица романа, сгущая краски исторических событий, смешали мир реальный и мир ирреальный, почти невозможно разделить правду от вымышленного. И от читателя зависит финал текста, от того, как проинтерпретирует прочитанное, разделит истинное от наносного, ложного.

«Это социально-психологическое или философское произведение, написанное в постмодернистской манере. Здесь в одинаковой мере вместе с воображением автора присутствует исторический vs. Реалистический план», – так дает свою оценку роману известный ученый С. Каскабасов, подчеркивая и авторскую позицию, и реалистичность, и историчность романа.

Основная идея романа «Жармак» – это история казахского народа и казахские национальные ценности. Если вчерашний день казахского народа – это невозможность владеть, развивать и обогащать свою культуру, свои духовные ценности, беспомощность перед леворукой политикой советского периода, то сегодня, будучи независимым, суверенным государством, народ все еще не может излечиться от мангуртизма, от коррупции и взяточничества, превратившихся в общественное массовое заболевание, а люди ожесточены, лишены милосердия и доброты, умения сочувствовать и сопереживать друг другу. Сам автор вместе со своим героем ищет ответ на вопрос о том, излечится ли его народ от своей болезни денационализации, ищет истинные, правильные пути выхода из этой тупиковой, трагической ситуации. Закономерно, что обращаясь к мифологическим началам, автор выстраивает сюжетную линию своего сочинения как многослойную, многогранную, многоуровневую, изучая и познавая национальное мировоззрение и менталитет. А.А. Потебня, рассматривает мифологию как внутреннюю форму человеческого мышления, подчеркивая взаимосвязь между языком и мифом, мифом и образом [3; с. 88]. Во времена зарождения мифов миф не выполнял функцию художественного мышления, вообще какой бы то ни было формы мышления. Вместе с тем невозможно отрицать его символическую, аллегорическую, метафорическую природу.

Так, и в романе М. Магауина «Жармак» ностальгическое видение сна человеком является одним из основных признаков мифологического сознания. В трудах основоположника аналитической психоло-

гии К. Юнга [4], в работах представителя психоанализа З. Фрейда [5] сны человека также связываются с мифическим началом. Главный герой романа Мурат, сидя у себя в квартире и выпивая чай, после того, как погас и снова включился свет, оказался в совершенно фантастическом сказочно-мифическом мире. В этом сказочно-мифическом мире он и встречается своего двойника Марата. С этого момента главных героев в романе становится два: Мурат, который вобрал в себя такие человеческие качества, как доброта, милосердие и человечность, а также Марат, который, наоборот, является злобным, коварным, чуждающимся своего народа. С самого начала развития событий и до финала автор эти два начала изображает в непримиримой духовной борьбе, хотя и в фантастическом манере. Мотив раздвоения личности в социально-психологических произведениях «Парасат майданы» Т. Абдикова, «Жалған дүние» С. Елубая, «Өмірзая» Б. Мукая и многих других приводит к жанровому синкретизму, раздвигая горизонты и границы казахской прозы.

Герой романа М. Магауина «Жармак» Мурат также, как и ранний герой, оказывается в маргинальной, приграничной ситуации, невольно попадая в коллизию между прошлым, настоящим и будущим. Следовательно, Мурат из конкретного времени и пространства попадает в какой-то мифический мир. Но автор не определяет этот мир как сказочно-мифический. Он опирается на материалы сегодняшнего настоящего мира.

Понятия и представления автора, находящиеся в глубине его сознания, архетипические признаки ввели его в «творческий транс» независимо от его воли. Главный герой романа Мурат из своей тесной квартиры попадает прямоком в невероятный, фантастический, волшебный, сказочный мир. Здесь его встречают с почестями как царя или принца. Он ни в чем не нуждается. Все подносят к его ногам, прислуживают как рабы. Вот впечатления самого Мурата: «Жарк етіп шам жанды. Мен көлегейлеп көзімді жұмдым. Сол сәтінде құлағыма даңғұр-дүңгір музыка, дабыр-дүбір дауыстар жеткен. Көзімді ашып, қолымды көтере бере, ұайтадан ұорғандым. Жарық – менің бөлмедей, жібінен салбыраған жалғыз шам емес, сансыз шам – самсаған жарық. Аумағы ат шаптырымдай кең сарайдың кіре беріс босағасында тұр екем. Төбе толған әсем өрнек, әрқилы кейіпте, бір емес қатарласа жамыраған әлденеше люстра, хрусталь моншак, ұзынды-қысқалы салпыншақтары шағылыскан алтынды, күмісті, қызғылтым, көгілдір, ақшаңқан нұрдан тұрады. Төрт қабырға алтын кәсекті, арғы, бергі заман суретшілерінің әрқилы туындылары. Еден – есіктен төрге дейін, түгі тусырылған, бөлек-бөлек емес, біртұтас, көк-ала қалы кілем. Осыншама сәнді, кең сарайдың іші толған салтанатты қауым» [6; с. 17-18]. Вот в каком мире оказался Мурат, сам до конца не понимая, во сне или наяву. Это подтверждают следующие слова Е. Мелетинского: «Фантастика ведет к сближе-

нию со сказкой и к появлению гибридных жанровых образований, к опытам сочинения «искусственных» литературных сказок. Фантастика может выражаться в двоёмии, в двойных мотивировках или интерпретациях тех же событий и персонажей. Фантастика может охватывать и сферу идеального, и сферу демонического (тайны и ужаса)» [7; с. 162]. Сюжет романа, больше похожий на сказочный, оказывает главного героя Мурата на границе между реальным и ирреальным мирами. Если сама жизнь – очень сложное, порой непонятное и противоречивое явление, то и человек в этой жизни – существо загадочное и таинственное. До конца его изучить и понять еще никому не удалось.

Литература:

1. Постмодернизм және мәдениет. – Алматы: Жазушы, 2006. – 7 т. – 496 б.
2. Қасқабасов С. М. Мағауиннің «Жармақ» романы // Қазак әдебиеті. – №1. – 15.01.2010.
3. Потебня А.А. Слова и миф. – М., 1989. – 256 с.
4. Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1971. – 297 с.
5. Фрейд З. Два фрагмента об Эдипе // Между Эдипом и Озирисом. – Львов: Инициатива; М.: Совершенство, 1998. – 512 с.
6. Мағауин М. «Жармақ» романы. – Прага: Agi Focus, 2007. – 197 б.
7. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. – М.: «Наука», 1990. – 275 с.

Рецензент: д.филол., профессор Д. Ыскакулы